

В. А. Зверев

**СОТРУДНИЧЕСТВО ЦЕРКВИ И ШКОЛЫ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ
ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ МЕМУАРАМ
УЧИТЕЛЯ И. К. ЧУВАШЕВОЙ)**

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Сотрудничество церкви и школы в сибирской деревне досоветского периода (по неопубликованным мемуарам учителя И. К. Чувашевой) / В. А. Зверев // Русское православие в Сибири: история и современность : материалы Междунар. науч. конф. «Русское православие: 4 века в Сибири. К 100-летию Омско-Тарской епархии» / редкол.: Л. М. Дмитриева, А. А. Дробышев. – Омск : Омск. гос. тех. ун-т, 1995. – С. 60–63.

Взаимоотношения церкви и школы как общественных институтов, а также священнослужителей и интеллигенции, в том числе учителей, при осуществлении ими своих обязанностей – это целый «куст» малоисследованных сюжетов в истории деревенской России и Сибири. В советской историографии культивировались положения о негативном влиянии православной церкви на развитие школьного дела, в целом на культуру народа в досоветский период, об антагонизме тех целей и смысла работы с детьми и молодежью, что были присущи, с одной стороны, «реакционерам»-священникам, с другой стороны, прогрессивно настроенной массе народных учителей. Сейчас происходит поворот в изучении темы к большей объективности, однако наметилась другая крайность: идеализация отношений в системе «церковь, крестьянство и народная культура» при изображении роли сельской интеллигенции и светской школы как проводников исключительно разрушительных атеистических идей. Пример – тезисы выступления А. К. Нефедьевой на международной конференции «Аборигены Сибири» (Новосибирск, 1995). Автор обосновывает свои выводы неизбежно пристрастными публикациями из «ведомственного» издания – «Иркутских епархиальных ведомостей» второй половины XIX в.

Научный подход предполагает отказ от априорной заданности выводов, он возможен только при мобилизации широкого круга конкретно-исторических источников различного происхождения и характера. Среди них важное место должны занять мемуарные материалы – опубликованные и хранящиеся в архивах авторские тексты, записи «со слов», еще не записанные устные рассказы священнослужителей, учителей, простых сельчан, а также их потомков. Как показывает даже предварительное знакомство, такой комплекс рисует сложную картину, ее нельзя понять с помощью плоских «антицерковных» или «противоинтеллигентских» интерпретаций.

Среди не востребованных до сих пор документов обращают на себя внимание неопубликованные воспоминания жительницы д. Саитковой Кошукской волости Туринского

уезда Тобольской губернии И. К. Чувашевой «Слава Богу за всё!», датированные ноябрем 1915 г. Рукопись хранится в Российском государственном историческом архиве (ф. 834, оп. 4, д. 1175, 263 л.). Автор в период 1898–1915 гг., начиная с 16-летнего возраста, преподавала в начальных школах ведомства православного исповедания и, судя по всему, была одним из лучших педагогов Туринского уезда. Ее профессиональная деятельность и общение с крестьянской средой происходили в обстановке тесного сотрудничества с местными церковными органами и священнослужителями.

Человек глубоко верующий, Иустиния Чувашева выступала в тех деревнях, где она жила и работала, сознательным проводником курса государства и церкви в школьном деле. На первый план этот курс выводил духовное просвещение и нравственное воспитание подрастающего поколения, преподавание основ грамоты. Учительница ответственно и творчески выполняла порученное ей дело, ибо видела, что взрослые поколения крестьян не только неграмотны, но также «темны и неразвиты» в религиозном отношении. Сельчане, конечно, «знали, что есть Бог, Пресвятая Богородица, что в праздники работать грех», но понятия не имели о священной истории, даже о Новом Завете, не знали молитв, повседневным пьянством, грубостью и «кулачеством» нарушали христианские нравственные заповеди.

Чувашева, как и прочие учителя церковных школ грамоты и церковно-приходских школ, трудилась под непосредственным руководством и контролем заведующего школой (он же – священник-настоятель ближайшего православного храма). С почтением и благодарностью характеризует мемуаристка о. Димитрия и о. Иоанна, которые, не жалея времени и сил, занимались обустройством школьных помещений, снабжали училища книгами и пособиями, убеждали родителей «не считать вредным знание и свет» и отдать детей в обучение, тактично направляли учебно-воспитательный процесс и сами умело преподавали Закон Божий в школах, приобщали детей к жизни приходской общины. Неоценимой считает Чувашева помощь священников в устройстве ею воскресных и праздничных религиозно-нравственных чтений для взрослых крестьян, куда охотно собиралось по несколько сотен слушателей. Очень воодушевили учеников и учителей в далеком краю приезд сюда епископа Пермского и Тобольского Антония (Паромова), его встреча со всеми здешними школьниками и благословение пастыря – «ревнителя и настоятеля церковных школ» в своей епархии.

В свою очередь, учительница по личной инициативе либо по просьбе священников помогала им в решении многих вопросов приходской жизни. В первый же год своего учительства она организовала в деревенской часовне торжественную всенародную встречу Пасхи, после чего пасхальные торжества стали традицией в д. Сосновке. Учительница читала

в часовне по праздникам часы и акафисты, организовала детский церковный хор, консультировала часовенного старосту по некоторым вопросам богослужения и т. д. Весьма колоритен рассказ Чувашевой о том, как по настоянию о. Димитрия пришли к ней учить молитвы молодые крестьяне Елеазар и Акулина, чтобы сами потом могли детей молитвам учить. Жених тогда обещал отдать будущих своих детей в школу и сдержал слово, хотя во всей родне у него не было никого грамотного, и школу эта родня не любила.

Важнейшим итогом совместной работы школы и церкви в родном краю автор мемуаров считает именно те положительные изменения, что произошли за 10–15 лет в начале века в отношении крестьян к обучению своих детей в школе: большинстве последних теперь могло приобщиться к грамоте и получить более глубокое, чем в семье, первоначальное религиозно-нравственное образование. Любопытно категорическое утверждение Чувашевой о том, что ее земляки предпочитают иным типам начальных училищ именно церковную школу: народу она «ближе, роднее, дороже». Это не согласуется с общероссийской тенденцией начала века на потеснение школ духовного ведомства училищами Министерства народного просвещения, больше заботившимися об уровне светской грамотности учащихся.

Разумеется, записки молодой женщины-учителя, не чуждой религиозной экзальтации, могут содержать в себе элементы идеализации и даже невольного искажения реальной картины. Сам по себе этот один документ и даже группа сходных по содержанию источников еще мало что доказывают. Однако такие свидетельства эпохи заставляют исследователей расширить теоретическое «поле» научного поиска. Если в дополнение к выстроенным ранее в историографии двум схематическим оппозициям «интеллигенция и школа + народ ↔ церковь», «церковь + народ ↔ интеллигенция и школа» фактологическое обоснование имеет и третья: «церковь + часть интеллигенции и школа ↔ народ», значит, налицо серьезная и интересная исследовательская проблема.